

МОРФОСИНТАКСИС ПРИЧАСТИЯ

Алиева К. А.

*докторант кафедры азербайджанского языкознания
Бакинский государственный университет
ул. З. Халилова, 23, Баку, Азербайджан
orcid.org/0000-0002-7377-1047
guseynova.u@gmail.com*

Ключевые слова:

*морфосемантика,
морфология, синтаксис,
категория, прилагательное,
неопределенная форма,
омонимический суффикс.*

В лингвистике все большее внимание уделяется изучению межуровневого взаимодействия слоев, включая уровень, который связывает морфологию с синтаксисом. Хотя в азербайджанской лингвистике есть некоторые исследования взаимосвязи между морфологией и синтаксисом, они не являются систематическими, и в большинстве случаев эти исследования не проводятся в рамках морфосинтаксиса. Поскольку язык является системным явлением, между всеми слоями существует некоторая степень связи. Связь между морфологией и синтаксисом настолько широка и неразрывна, что невозможно представить одно без другого. Имеются междисциплинарные образования, и в современной лингвистике появилась определенная тенденция называть их синтаксемами. Задача морфосинтаксиса – описать порядок образования и формирования синтаксем.

Показано, что морфосинтаксическое исследование может проводиться в двух аспектах: 1) через изучение организации членов предложения; 2) через изучение средств выражения синтаксиса, создание позиционных вариантов. В связи с этим важно изучить склоняемые формы глагола, включая причастия. Двойственность в природе глагола, разнообразие его синтаксических функций, создание двухуровневой связи в языковой системе, особая роль в словообразовании, составе и образовании предложений и т.д. приводят нас к такому выводу. Тот факт, что морфологические особенности форм, связанных с морфологическими особенностями склоняемого глагола в азербайджанском языке, в основном совпадают, еще больше усиливает споры об этой категории. То есть формы с суффиксом $-miş^4$, $-acaq^2$, $-ası^2$, $-malı^2$ образуют грамматическую омонимию со склоняемой формой. Хотя их можно синтаксически проанализировать и найти их конкретное место, также иногда их бывает сложно определить.

МОРФОСИНТАКСИС ДІСПРИКМЕТНИКА

Алієва К. А.

докторант кафедри азербайджанського мовознавства
 Бакинський державний університет
 вул. З. Халілова, 23, Баку, Азербайджан
 orcid.org/0000-0002-7377-1047
 guseynova.u@gmail.com

Ключові слова:

морфосемантика, морфологія,
 синтаксис, категорія,
 прикметник, невизначена
 форма, омонімічний суфікс.

У лінгвістиці дедалі більша увага приділяється вивченню міжрівневої взаємодії шарів, включаючи рівень, який пов'язує морфологію із синтаксисом. Хоча в азербайджанській лінгвістиці є деякі дослідження взаємозв'язку морфології і синтаксису, вони не є систематичними і здебільшого ці дослідження не проводяться в рамках морфосинтаксису. Оскільки мова є системним явищем, між усіма верствами існує деяка ступінь зв'язку. Зв'язок між морфологією і синтаксисом настільки широкий і нерозривний, що неможливо уявити одне без одного. Є міждисциплінарні освіти, і в сучасній лінгвістиці з'явилася певна тенденція називати їх синтаксемами. Завдання морфосинтаксиса – описати порядок утворення і формування синтаксем.

Показано, що морфосинтаксичне дослідження може проводитися в двох аспектах: 1) через вивчення організації членів речення; 2) через вивчення засобів вираження синтаксису, створення позиційних варіантів. У зв'язку з цим важливо вивчити відмінювані форми дієслова, включаючи дієприкметник. Двоїстість у природі дієслова, різноманітність його синтаксичних функцій, створення дворівневого зв'язку в мовній системі, особлива роль у словотворенні, складі і освіті пропозицій і т.д. приводять нас до такого висновку. Той факт, що морфологічні особливості форм, пов'язаних із морфологічними особливостями дієслова в азербайджанській мові, в основному збігаються, ще більше підсилює суперечки про цю категорію. Тобто форми із суфіксом -mıŋ⁴, -acaq², -ası², -malı² утворюють граматичну омонімію з формою, що відмінюється. Хоча їх можна синтаксично проаналізувати і знайти їх конкретне місце, також іноді їх буває складно визначити.

MORPHOSYNTAXIS COMMUNION

Aliyeva K. A.

Postdoctoral Student at the Department of Azerbaijani Linguistics
 Baku State University
 Z. Halilov str., 23, Baku, Azerbaijan
 orcid.org/0000-0002-7377-1047
 guseynova.u@gmail.com

Key words: morphosemantics,
 morphology, syntax, category,
 adjective, indefinite form,
 homonymous suffix.

In linguistics, more and more attention is paid to the study of the inter-level interaction of layers, including the level that links morphology with syntax. Although there are some studies of the relationship between morphology and syntax in Azerbaijani linguistics, they are not systematic, and in most cases these studies are not carried out within the framework of morphosyntax. Since language is a systemic phenomenon, there is some degree of connection between all layers. The connection between morphology and syntax is so broad and inseparable that it is impossible to imagine one without the other.

There are interdisciplinary education, and in modern linguistics there is a certain tendency to call them syntaxemes. The task of morphosyntax is to describe the order of formation and formation of syntaxemes.

It is shown that morphosyntactic research can be carried out in two aspects: 1) through the study of the organization of the members of the sentence; 2) through the study of means of expressing syntax, the creation of positional variants. In this regard, it is important to study the inflected forms of the verb, including participles. The duality in the nature of the verb, the variety of its syntactic functions, the creation of a two-level connection in the language system, a special role in word formation, the composition and formation of sentences, etc. lead us to this conclusion. The fact that the morphological features of the forms associated with the morphological features of the inflected verb in the Azerbaijani language basically coincide, further intensifies the debate about this category. That is, forms with the suffix $-mı\text{ş}^4$, $-acaq^2$, $-ası^2$, $-malı^2$ form a grammatical homonymy with a declined form. While they can be syntactically parsed to locate their specific location, they can also be difficult to identify at times.

Введение. В современном языкознании проблема межуровневого взаимодействия слов привлекает пристальное внимание исследователей. Исследование морфологического аспекта раскрывает роль фонологических событий в определении морфологических единиц. Сегодня идея, что фразеологические соединения являются межуровневыми единицами, получила широкое применение. Даже вопрос о свободных словосочетаниях слова был поставлен как проблема межуровневой единицы. Научное обоснование состоит в том, что язык – это система, отдельные структурные элементы которой также взаимосвязаны, и взаимосвязь этих слоев или элементов осуществляется, в том числе через межуровневые единицы и категории. Связь между морфологией и синтаксисом, которые являются самостоятельными разделами грамматики, также достаточно сильна, и невозможно представить существование одного без другого.

О проблеме морфосинтаксиса в научной литературе. В некоторых случаях морфологические события или, точнее, вопросы, связанные со словоформой, были представлены в семантике. И.И. Мещанинов, Н.Ю. Шведова, Ф.Ф. Фортунатов, М. Казымбек и др. исследователи изучали морфологический анализ в рамках семантики. И.И. Мещанинов рассматривал в определенном смысле морфологические понятия как материал синтаксиса, обозначив синтаксис как «учение о слове в предложении и о предложении в целом». Автор в данном случае отдает предпочтение семантическому аспекту и отодвигает на задний план вопросы морфологического изменения слов [6, с. 38]. Интересно, что в своем исследовании А.М. Пешковский также рассматривает синтаксис русского языка отдельно от частей речи [10, с. 62–164].

В современной лингвистике морфология и синтаксис являются неотъемлемыми компонентами грамматики. Вместе с тем иногда появляются противоречивые подходы по поводу взаимоотношений между ними и их объектами. Речь, прежде всего, идет о численности частей речи и их стабильном составе. В свое время Ф. де Соссюр подчеркивал, что морфология не имеет самостоятельного объекта исследования.

Однако представители американской дескриптивной школы в середине XX века, напротив, подчеркивали важную роль морфологии в грамматике. Этот вывод связан с тем, что они в теории языка больше внимания уделяли формулам изменений. Все это в конечном итоге привело их к выводу о том, что морфология и синтаксис связаны неразрывными узами, и, поскольку каждый из этих разделов имеет определенный объект, на межграницном уровне есть элементы, точное назначение которых необходимо определить. В современной лингвистике эту совокупность состояний принято называть синтаксемами. «Задача морфосинтаксиса – описать закономерности расположения и образования синтаксем» [13, с. 7]. Хотя синтаксема определена как языковая единица, она занимает промежуточное положение между морфологией и синтаксисом и возникает, когда морфологический уровень выражается на синтаксическом уровне.

К. Велиев, говоря о «морфологическом синтаксисе» или «синтаксической морфологии» в азербайджанском языке, группирует области, которые относятся к этой сфере [12, с. 52]. По мнению И. Ахмедова, морфосинтаксис – это область лингвистики, изучающая особенности речи, которые считаются «необычными», организацию синтаксем, а также правила организации членов предложений. Автор показывает, что морфосинтаксическое исследование может проводиться в двух аспектах: 1) в аспекте изучения организации членов предложения; 2) в аспекте изучения средств выражения синтаксем, формирования позиционных вариантов [3, с. 86–89]. С этой точки зрения важно изучать склоняемые формы глагола, включая причастия. В. Алиев пишет: «Мы не ошибемся, если примем причастие, деепричастие и инфинитив, входящие в сложные формы, как межуровневые единицы языка, поскольку налицо двойственность в природе этих групп слов, разнообразие их синтаксических функций, создание двухуровневой связи в языковой системе, особая роль в словообразовании, составе и образовании предложений и так далее» [5, с. 5].

Вопросы морфосинтаксиса категории причастия с азербайджанском языке. В азербайджанской лингвистике причастие исследовано достаточно широко. В целом глаголы, «благодаря своим фонетическим и другим особенностям, имеют свои лексико-семантические, морфологические, синтаксические, стилистические особенности, что проявляется в богатстве, разнообразии и индивидуальности этих особенностей, именно этим они принципиально отличаются от других частей речи и имеют в этом отношении большое значение» [9, с. 15]. Глагол – это часть речи с наибольшим числом грамматических категорий. Это связано с ролью глагола в предложении, поскольку сказуемое, грамматически зависимое только от глагола, коррелирует почти со всеми другими членами предложения и связывает их в разнообразном грамматическом контексте. Здесь важны как лексические, так и грамматические значения глагола. Чтобы выполнять каждую из этих функций, глагол-сказуемое, находящийся в разнообразных отношениях со словами, с которыми он соприкасается, должен находиться в различных грамматических формах. Глагол-сказуемое для реализации информативности использует богатые грамматические формы, в том числе предикативность, в которой проявляется его морфологическая категория. В этом отношении в грамматике важное место занимают составные формы глагола.

Двойственная природа причастия, что проявляется в сочетании свойств глагола и прилагательного, определяет сложность его грамматической природы и, следовательно, приводит к формированию различных мнений об этой форме глагола в лингвистике. Некоторые лингвисты даже утверждают, что это отдельная часть речи. Хотя эта идея имеет все меньше сторонников, спорные аспекты двойственной природы глагола все еще дебатированы.

Тот факт, что морфологические особенности причастий в основном совпадают с особенностями составных глагольных форм в азербайджанском языке, еще больше усиливает споры об этой категории. В целом формы с суффиксом *-miş¹*, *-acaq²*, *-ası²*, *-malı²* образуют грамматическую омонимию с другими составными глагольными формами. Хотя в основном их можно конкретно синтаксически проанализировать, однако порой это бывает сложно определить. Основная причина затруднения в том, что эти суффиксы имеют одинаковое происхождение и грамматико-семантическое соответствие. Исследователи считают целесообразным причастие называть «адъективацией временных форм глагола» [2, с. 54]. Вот пример:

*Bir qədər çaydan uzaq od qalamış dağda çoban,
Oyadır öz sürüsün otlaya yaylaqda çoban.*

Пастух, разложивший костер на горе вдалеке от реки,

Пастух поднимает свое стадо пастись на яйлаге.

Здесь, на первый взгляд, достаточно сложно определить, является ли слово «разжегший» склоняемым (давно прошедшее время) или несклоняемым (деепричастие) глаголом, если первую строку рассматривать вне связи со второй строкой. Логично, что при соединении первого и второго стихов можно подумать, что слово «разложивший» имеет прямую функцию от слова «пастух»: *od qalamış(od qalayan) çoban* (разложивший костер пастух).

Вместе с тем, в первую очередь, стихи следует воспринимать как конструкции, выражающие самостоятельные мысли, и это подтверждается в стихотворении. «Пастух, разложивший костер на горе вдалеке от реки» воспринимается как самостоятельное предложение, а слово «разложивший» понимается как сказуемое предложения. Слово «пастух», используемый в обоих стихах, имеет одинаковую синтаксическую функцию, то есть является подлежащим предложения. В этом случае слова «разложивший» и «поднимает» действуют как сказуемые для повторяющихся подлежащих. Здесь ключевую роль играет лексико-семантический аспект слова и тот факт, что слово «пастух» играет ведущую роль в субъектно-предикатных отношениях.

Наличие в глаголе признаков прилагательного позволяет легко субстантивировать его. Эти слова субстантивированы и выполняют различные синтаксические функции, в том числе функцию именного сказуемого. Хотя функцию сказуемого у этих слов определить нетрудно, тот факт, что в этой позиции могут одновременно находиться склоняемые и несклоняемые формы, требует уточнения в морфосинтаксическом аспекте. Возникает грамматический вопрос (соответствующая грамматическая форма склоняемого глагола «что делать?» и несклоняемого глагола «что? / как?»), использование глагола в личной и безличной форме, то есть здесь именно синтаксическая функция предложения играет важную роль. Вот примеры:

1. *Şəhərin bu yerləri daha görməlidir.*

2. *Gənc aqronom bu yerləri mütləq görməlidir.*

1. Эти места города более примечательные (В. Байрамлы)

2. Молодой агроном должен обязательно увидеть эти места (И. Шыхлы).

Хотя сказуемые этих предложений имеют одинаковую форму, формы их выражения (средства) не одинаковы. Так, в первом предложении сказуемое требует вопроса «как?», что также относится к субстантивному причастию. Во втором же примере сказуемое требует вопроса «Что делать?» и

не может быть и речи о субстантивации. Нельзя сказать, что эти две формы одновременно функционируют в нашем языке. Исследователи подчеркивают, что если в нашем языке с XV века используется суффикс *-malı²*, то есть случаи употребления глагола, образованного с таким же суффиксом, но уже в XVII–XVIII веках [11, с. 258, 262].

Известно, что основное различие между подобными омонимичными глаголами определяется тем, имеют ли они личное окончание или, скорее, склоняемая форма, как следует из названия, используется с личными суффиксами и варьируется в зависимости от лица и числа. Несклоняемая форма же не меняется по лицам и, следовательно, не может быть сказуемым в предложении. Они либо выступают в функции определения, либо выступают в качестве подлежащего и дополнения. Приведенные выше примеры состоят из нескольких слов, оба из этих образцов могут находиться в синтаксических позициях, которые, как оказалось, не так уж сложно различить. Данное уточнение основано на морфосинтаксическом анализе. В целом соответствующие суффиксы причастия являются морфологическим показателем, но в синтаксической среде приобретают различные лексико-семантические особенности.

Говоря о морфосемантических особенностях времени глагола, исследователи подчеркивают, что одна форма времени (в частности, настоящее-будущее время) может выражать различные понятия времени [7, с. 13]. Следует отметить, что говорить о семантических особенностях любой грамматической категории означает говорить о ее потенциальной семантике. Однако интересно то, что, исследуя особенности настоящего в будущем времени, В. Мамедалиев определяет примеры в синтаксической среде, то есть в предложении. Это означает, что перечисленные выше особенности морфологической единицы-показателя реализуются на основе синтаксической функции. Если эта процедура не выполняется, то определить эти свойства невозможно. Поэтому, на наш взгляд, фактически здесь проводится морфосинтаксический анализ.

Одним из суффиксов с интересной морфосинтаксической функциональностью в азербайджанском языке является суффикс *an²*. Этот суффикс образует глагол в современном азербайджанском языке и имеет атрибутивную сущность: *oxuyan qız, yazan oğlan* (читающая девочка, пишущий мальчик). Однако можно также столкнуться с тем фактом, что слово, образованное этим суффиксом, создает содержание образа действия: *Qaradaşımı otaqda tək oturan gördüm* (я видел моего брата, одного сидящего в комнате). Фактически последний пример имеет эллиптическую форму: *Qaradaşımı otaqda tək oturan vəziyyətdə gördüm*

(Я увидел своего брата, сидящего в комнате в положении одиночества).

Известно, что когда прилагательному или глаголу предшествует существительное и прилагательное опускается, соответствующее выражение становится субстантивированным и имеет функциональные возможности существительного, то есть действует как дополнение, либо в именительной форме, либо с некоторыми морфологическими особенностями существительного, в качестве дополнения. Однако в приведенном выше примере наше внимание привлекает другая картина, то есть причастие, отделенное от существительного, является не субстантивным, а наречным.

Следует отметить, что указанное причастие становится субстантивированным, когда оно теряет свое существительное, и употребляется в качестве подлежащего или в качестве дополнения. Например: *Otaqda tək oturan oğlan mənim qardaşımdır–Otaqda tək oturan mənim qardaşımdır.* (Мальчик, сидящий один в комнате, – мой брат. Сидящий один в комнате – мой брат). Сравнение этих двух примеров позволяет предположить, что слова этой формы, как и другие, исторически выполняли двойственную функцию. Можно сослаться на другой факт, подтверждающий эту идею. И. Ахмедов подчеркивает, что «в настоящее время форма *-an²* может использоваться в азербайджанском языке как форма деепричастия (в виде эллипса). Например: *Mən içəri girən (yəni: girəndə) o çıxmağa imkan tapdı* (Я, только входивши (то есть вошедши), он смог уйти)» [4, с. 34]. Как видно, автор здесь также имеет в виду факт возможности формирования эллипса. Другими словами, вся форма этой конструкции мыслится следующим образом: *Mən içəri girən vaxt o çıxmağa imkan tapdı* (когда я вошел, он смог выйти).

Говоря о морфосинтаксических особенностях причастия, в первую очередь следует учитывать ситуацию, функцию и приобретенные грамматические качества слова с соответствующим суффиксом. Упомянутое нами слово с суффиксом напрямую связано с тем, что это причастия или склоняемые формы, а также с характером их лексико-грамматической связи с другими словами в конструкции. Как известно, словосочетание формируется на синтаксической основе, в процессе построения предложения, но рассматривается, как часть предложения внутри предложения. Например: *Kamran dünəndən yarımciq qalmış məktubu bir daha nəzərdən keçirdi.* (Кямран просмотрел не завершённое со вчерашнего дня письмо) (В. Байрамлы)

В этом предложении выражение «не завершённое со вчерашнего дня» в качестве причастия служит определением предложения в целом. Это выражение анализируется как отдельный член

предложения, даже в позиции сказуемого, где бы оно ни находилось в предложении. Однако этого нельзя сказать о склоняемой форме. Склоняемая форма глагола не образует состава. Верно, что обе формы могут быть объединены с точки зрения того, что они являются разными формами глагола, то есть они могут присоединить к себе предыдущие слова, но они имеют разные особенности с точки зрения функциональной связи с этими словами. Прежде всего, предположим, что несклоняемая форма глагола имеет только одну синтаксическую функцию, и это – сказуемостная. Если при образовании фразы соответствующие слова образуют единое предложение, то глагол в склоняемой форме становится сказуемым, а другие слова становятся членами предложения на основании той или иной лексико-грамматической связи с ним. На наш взгляд, здесь играет роль внутренняя потенциальная грамматическая семантика склоняемых и несклоняемых форм. В целом в склоняемой форме события являются динамическими и сохраняют свойство обработки как независимое сказуемое, несклоняемая форма имеет статическое состояние, точнее, эта форма сопровождается номинативной характеристикой. Следовательно, когда она объединяет другие слова, то статически действует как часть предложения.

Также интересно и естественно, что слова с соответствующими причастиями не могут выступать в качестве сказуемого ни по отдельности, ни в составе предложения. Даже если есть несколько исключительных фактов, которые мы привели в качестве примеров, они не могут создать композицию, или состав. Это означает, что, не имея возможности создать композицию, это слово не может составлять зависимую часть предложения.

Одной из морфологических особенностей причастия является суффикс *dik*⁴⁺. В языке древних памятников, а также в словаре современных тюркских языков суффикс принадлежности в этой позиции не используется, хотя М. Кязымбек касается вопроса причастия и приводит пример причастия в прошедшем времени: «*sevdiik, baqktuqk (baxdiq)*» («любили, смотрели (посмотрели)» [8, с. 534]. В современном турецком языке одна и та же морфема используется как без суффикса принадлежности, так и вместе с ним [14, с. 785–794]

Выводы. Фактически если форма причастия принимает любую морфологическую особенность существительного, включая суффикс принадлежности, это является признаком того, что в нем произошел процесс субстантивизации. То же самое можно сказать и об упомянутой форме причастия. В целом причастия, обладающие атрибутивным качеством, обладают большей независимостью по существу, чем другие, то есть они более активны в субстантивной позиции, даже

без других суффиксов существительных. С этой точки зрения неверно принимать суффикс принадлежности как составную часть морфологического признака причастия. Еще один факт, подтверждающий эту идею, состоит в том, что, если мы хотим добавить суффикс множественного числа к соответствующим словам, он больше не будет прибавлен не в конце слова, а между суффиксом принадлежности и суффиксом *-diq*⁴. Это связано с существующей закономерностью прибавления суффиксов существительных к словам. То есть суффиксы существительных добавляются к словам в азербайджанском языке в следующем порядке: множественное число + принадлежность + падеж + сказуемое. Как видно, суффикс принадлежности добавляется после суффикса множественного числа. Тот факт, что этот случай также наблюдается в соответствующих причастиях, показывает, что суффиксы *-diq*⁴ и аффикс принадлежности не носят одинаковый характер морфемы в одной категории.

Здесь необходимо обратиться еще к одному вопросу: несклоняемые формы глагола, в том числе причастие, образуются от склоняемой формы [1, с. 13]. Известно, что *-diq* на самом деле состоит из двух морфем: *-di* - давно прошедшего времени и *-q*, как окончание лица. Когда две морфемы начинают выполнять функцию причастия в комбинированной форме, происходит номинативный процесс, и они используются как изолированно, так и в сочетании с другими грамматическими суффиксами, то есть с аффиксами принадлежности, и даже количественными суффиксами. Здесь суффикс, который ранее был показателем лица, полностью застыл и слился в итоге с суффиксом прошедшего времени, в итоге формируется новая грамматическая номинация, то есть причастие. Все это, как видно, происходит на синтаксической основе совместной деятельности морфологического и синтаксического уровней. Отсюда можно сделать вывод, что причастия следуют изучать как морфосинтаксические единицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев К.М. Проблемы синтаксиса простого предложения в азербайджанском языке. Баку : «Элм», 1983. 110 с.
2. Джафаров Дж. Процессы перехода в частях речи. Баку : Изд. АПИ, 1983. 96 с.
3. Ахмедов И. О морфосинтаксическом слое языка. *Актуальные вопросы морфологии азербайджанского языка* : Тематический сборник научных трудов. Баку : Издание АУЯ, 1987. С. 86–89.
4. Ахмедов И.А. О функциональном развитии родственных форм глагола. *Исследование исторической морфологии тюркских языков*. Баку : Издательство АУ, 1990. С. 33–39.

5. Алиев В. Перифрастические формы глагола в азербайджанском языке. Баку : Публикация АПИ, 1989. 45 с.
6. Мещанинов И.И. Общее языкознание. Ленинград : Учпедгиз, 1940. 260 с.
7. Мамедалиев В.М. Морфосемантические особенности настоящего-будущего времени глагола. *Проблемы грамматического строя азербайджанского языка*. Баку : Публикация АГУ, 1982. С. 13–20.
8. Мирза Казымбек. Общая грамматика турецко-татарского языка. Баку : ООО «Зардаби ЛТД», 2017. 1000 с.
9. Мирзоев Г.И. Глагол в азербайджанском языке. Учебник для старшеклассников. Баку : «Маариф», 1986. 320 с.
10. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Москва : Гос. учебно-пед. изд-во Министерства Просвещения РСФСР, 1956. 512 с.
11. Рагимов М. История образования глагольных форм в азербайджанском языке. Баку : «Наука и образование», 2019. 320 с.
12. Велиев К.Н. Взаимодействие морфологии и синтаксиса. *Морфология имён в азербайджанском языке* : Тематический сборник научных трудов. Баку : Издание АУЯ, 1984. С. 49–53.
13. Велиев К.Н. Дефинитивность как морфосинтаксическая категория (с точки зрения лингвистики текстов). *Актуальные вопросы морфологии азербайджанского языка*. Баку : Издание АУЯ, 1987. 98 с.
14. Zeynep Korkmaz. Türkiye Türkçesi Şekil Bilgisi. Türk Dil Qurumu Yayınları. Ankara, 2017. 1027 s.
4. Akhmedov I.A. On the functional development of related forms of the verb [*O funktsional'nom razvitiy rodstvennyh form glagola*]. Research of the historical morphology of the Turkic languages. Publishing house AU, Baku: 1990, pp. 33–39.
5. Aliyev V. Periphrastic forms of the verb in the Azerbaijani language [*Perifrasticheskie formy glagola v azerbajdzhanskom yazyke*]. Baku: Publication of API, 1989. 45 p.
6. Meshchaninov I.I. General linguistics [*Obshchee yazykoznanie*]. Uchpedgiz, Leningrad: 1940. 260 p.
7. Mamedaliev V.M. Morphosemantic features of the present-future tense of the verb [*Morfosemanticheskie osobennosti nastoyashchego- budushchego vremeni glagola*]. Problems of the grammatical structure of the Azerbaijani language. Baku: Publication of ASU, 1982, p. 13–20.
8. Mirza Kazymbek. General grammar of the Turkish-Tatar language [*Obshchaya grammatika turecko-tatarskogo yazyka*]. Baku: LLC “Zardabi LTD”, 2017, 1000 p.
9. Mirzoev G.I. Verb in Azerbaijani [*Glagol v azerbajdzhanskom yazyke*]. Textbook for high school students. Baku: “Maarif”, 1986. 320 p.
10. Peshkovsky A.M. Russian syntax in scientific coverage [*Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii*]. M.: State educational ped. publishing house of the Ministry of Education of the RSFSR, 1956. 512 p.
11. Rahimov M. History of the formation of verb forms in the Azerbaijani language [*Istoriya obrazovaniya glagol'nyh form v azerbajdzhanskom yazyke*]. Baku: “Science and Education”, 2019. 320 p.
12. Veliev K.N. Interaction of morphology and syntax. Morphology of names in the Azerbaijani language (Thematic collection of scientific papers) [*Vzaimodejstvie morfologii i sintaksisa. Morfologiya imyon v azerbajdzhanskom yazyke*]. Baku: Edition of AUL, 1984, p. 49–53.
13. Veliev K.N. Definitivity as a morphosyntactic category (from the point of view of the linguistics of texts) [*Definitivnost' kak morfosintaksicheskaya kategoriya (s tochki zreniya lingvistiki tekstov)*] // Actual problems of the morphology of the Azerbaijani language. Baku: Edition of AUL, 1987. 98 p.
14. Zeynep Korkmaz. Turkish Turkish Picture Information [*Türkiye Türkçesi Şekil Bilgisi*]. Turkish Language Institution Publications. Ankara: 2017. 1027 p.

REFERENCES

1. Abdullaev K.M. Problems of the syntax of a simple sentence in the Azerbaijani language [*Problemy sintaksisa prostogo predlozheniya v azerbajdzhanskom yazyke*]. Baku: “Elm”, 1983. 110 p.
2. Jafarov J. Transition processes in parts of speech [*Processy perekhoda v chastyah rechi*]. Baku: Ed. API, 1983. 96 p.
3. Akhmedov I. On the morphosyntactic layer of the language [*O morfosintaksicheskom sloe yazyka*]. Topical issues of the morphology of the Azerbaijani language (Thematic collection of scientific papers). Edition of AUL, Baku: 1987, p. 86–89.